

социальных сил, однако сразу вслед за революцией правительство вновь перехватывает историческую инициативу, и определенный им курс модернизации получает известное ускорение.

Принципиально новый момент, проявившийся в правительственном курсе модернизации, заключался в попытке его дальновидных проводников максимально полно учесть специфику того сложного социального агрегата, каким было на рубеже XIX—XX вв. российское общества, и наметить некий самобытный (в отличие от петровской вестернизации) национально-ориентированный путь преобразований. Поэтому критика правительства со стороны оппозиционных политических сил велась еще и с позиций воинствующего либерального европеизма. Наложение двух довольно разнородных контекстов осмысления модернизации — национально-консервативного и либерально-западнического — объективно усиливало социокультурную противоречивость реформистского пути развития и предопределяло вероятность его слома в результате любого дополнительного напряжения в системе, покоившейся на хрупком гомеостазе традиций и новаций.

А.П. Килин
(г. Екатеринбург)

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СЛОИ В РОССИИ — КОНФЛИКТ ИДЕЙ

Россия, в основных своих чертах, может характеризоваться как общество традиционного типа, со всеми присущими ему признаками, как то: ориентация на прошлое, преобладание аграрного сектора, доминирование устных форм коммуникации и пр. Сложившийся в таких условиях социум в основной своей массе сопротивляется новациям, консервативен и устойчив. Однако логика исторического процесса требовала изменений, и когда критическая масса нового была достигнута, наступила реакция традиционного общества, выразившаяся в революционном всплеске. Таким образом, в октябре 1917 г. произошел государственный переворот.

Частная инициатива в государстве диктатуры пролетариата не имела шансов приобрести своей полноценной и законченной формы.

Понимание этого, а также стремление вернуться к “основам”, приводит сегодня ряд авторов к идеализации степени развитости рыночных начал в экономике России до октября 1917 г. Культивируется миф о “золотом веке” русского предпринимательства, о том идеале, к которому необходимо стремиться. Именно потребностями настоящего времени, поиском исторических корней для современных “буржуа” объясняется популярность этой идеи.

Наиболее плодотворной видится попытка сопоставить те периоды отечественной истории, когда наиболее активно шел процесс формирования предпринимательских слоев индустриального общества. Наиболее завершенную форму этот процесс приобрел в 80—90-е годы XIX в. и начале XX-го. Период НЭПа, когда государство проводило более либеральную политику в отношении частника, произошел кратковременный ренессанс предпринимательской активности. В наши дни мы также являемся свидетелями становления нового слоя предпринимателей.

Исследование этих периодов показывает, что в судьбах частных предпринимателей, в частности, торговцев, много общего. Это свидетельствует о силе традиции и стабильности российской ментальности, находящих свое выражение в преемственности государственной политики по отношению к частнику.

Характерной чертой российского предпринимателя является его противопоставление себя государству. Доминирование государства являлось “величиной постоянной” как до, так и после Октября 1917 г. Старые и новые правители России действовали, подчиняясь этой закономерности. Это неизбежно вызывало ответную реакцию и ставило частных предпринимателей в оппозицию государству. Фрондерство купечества и буржуазии подчеркивалось многими авторами. П.А. Бурый писал: “В промышленности и торговле всегда был какой-то элемент фронды”. С.Т. Морозов, рисуя портрет своего деда, отмечал: “Морозов — мануфактур советник по чину — был протестантом, фрондером по складу характера”.

Оппозиция государству давала возможности деловому человеку пренебрегать правилами игры, выработанными властями, т.е. законами. “Всеобщность” государственного хозяйства позволяла многим видеть в нем “свою” долю и при удобном случае изъять ее. Такая позиция, учитывая противопоставление сторон, не считалась аморальной. Частный предприниматель зачастую обогащался за счет государства. Используя неповоротливость этого гигантского механизма, мобильный предприниматель “ловит рыбу в мутной воде” и, таким образом,

основным источником первоначального накопления капитала становилась казна. Эта традиция настолько сильна, что перекачка средств в 20-е гг. XX в. и накопление современного периода происходят по этой же схеме.

Для обозначения другой обобщающей характеристики российского предпринимателя обратимся к оценке Н.А. Бердяева. Он писал: "Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговействует перед святостью и ищет спасение у святых и их посредников. Это даже нельзя назвать лицемерием. Это — веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешным и немного презирает буржуазные добродетели". Следовательно, можно говорить о конфликте предпринимателя не только с государством, но и с этическими идеалами традиционного общества.

Современники отмечали негативное восприятие большинством населения торгово-промышленной деятельности как таковой, что присуще обществу этого типа. П.А. Бурыйкин с сожалением констатировал: "Как это не покажется странным, до самой революции в некоторых частях так называемого "высшего общества" и крупного чиновничества было необычайно презрительное отношение не только к торгово-промышленным деятелям, в огромном большинстве недворянам и часто недавним выходцам из крепостного крестьянства, но и к самой промышленности и торговле".

Проводниками отношений нового типа выступали люди неординарные, стремящиеся изменить свой социальный статус, предприимчивые и энергичные. Их поведение контрастировало с общепринятыми нормами и, по "закону толпы", вызывало агрессию окружающих.

В годы НЭПа негативные оценки частного предпринимательства проявились с большей отчетливостью, т.к. частник противопоставлялся государственной, обобществленной торговле. Американский журналист Морис Хиндус в своих воспоминаниях писал: "Они придумали новое слово — нэпман. Нэпман — символ вырождения, объект презрения и оскорбления! Пария, социальная свинья! Главный злодей на сцене, злодей в кинематографе, злодей в повседневной жизни! Нэпман — ярлык, ругательство, анафема!"

Следствием социально-психологического давления явилась необычайная и непонятная с точки зрения европейского буржуа благотворительность. Стремление преодолеть отчужденность, избавиться от комплекса вины и неполноценности — эти цели дали мощный импульс развитию русской культуры, явились предпосылкой "серебря-

ного" века. Поэтому не случайно сегодняшнее обращение к эстетическим формам той эпохи.

Был возможен и иной путь выхода из конфликтной ситуации — занять свое место в традиционной социальной иерархии: получить дворянство, дать детям хорошее образование и пр. Интеллигенты в первом поколении не совсем уверенно чувствовали себя в новой социальной роли, их поведение определялось позицией "от обратного". Это со всей очевидностью демонстрируют сегодня и "новые русские". Будучи выходцами из рабочих семей или технической интеллигенции, они пытаются вырваться из привычных рамок, но не знают куда.

Место отсутствующей предпринимательской этики с успехом занимала идея клановости, построенной на конфессиональной или национальной основе (отметим возможность консолидации в рамках уголовного мира). Клановость позволяла эффективно работать в сфере промышленности и торговли. При этом "правила игры", партнерские отношения не распространялись на "чужаков". Такого рода отношения были на виду, и в массовом сознании могли преломляться в уродливых формах. Неприятие "торгашей" зачастую переплеталось с антисемитизмом.

Присущие России черты традиционного общества играли роль не только стабилизирующего, но и стагнирующего фактора. Геополитическое своеобразие страны — ее срединное положение на границе Европы и Азии определило периферийное, догоняющее развитие России. Практически все экономические, социальные и политические процессы, протекавшие на этой территории, отмечены печатью незавершенности и внутренней противоречивости. Это в полной мере относится и к процессу становления предпринимательского слоя. Россия находится постоянно в стадии перманентного перехода, в ситуации, когда старое и новое, Восток и Запад, неразрывно переплетаясь, образуют единое целое. Такие выводы в свете перспектив нарождающегося российского предпринимательства выглядят неутешительно. Однако существует уверенность, что появится возможность изменения сложившейся ситуации эволюционным путем. Наступит время, когда предприниматели будут жить по законам, диктуемым экономической целесообразностью, а не политической конъюнктурой.
